

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

АНЕКДОТ О ВОЛЬТЕРЕ

Сохранился любопытный, выполненный в конце мая 1836 года пушкинский обзор материалов для третьего тома журнала «Современник» (ПД 1115, л.1):

Тютч.1	1 1/2
Над. 1	1/2 _____
	Тютчева
	Надежда
	Мои _____

Левая колонка этой записи имела в виду «Стихотворения, присланные из Германии» Ф. И. Тютчева и статью кн. П. Б. Козловского «О надежде», которые занимали в журнале соответственно чуть больше одного и полутора печатных листов. Справа же помечено, что кроме этих произведений, в томе предполагалось поместить не более полутора листов материалов, принадлежащих другим авторам, а основной состав его оставлялся Пушкиным для собственных сочинений («Мои» — около семнадцати печатных листов). Причина такого пристрастия объяснялась вполне прагматически: второй том журнала расходился плохо и предполагаемого дохода издателю не принес, а значит, другим авторам Пушкин платить не мог и был просто-напросто обречен рассчитывать только на самого себя. Но это, в свою очередь, заставляло издателя в своих произведениях быть по-журнальному разнообразным, выступать в разных амплуа — поэта, прозаика, мемуариста, критика, историка, обозревателя. Пушкин был вынужден в большин-

стве случаев варьировать и авторскую манеру, воссоздавая ожидаемое читателем журнальное многоголосье. Вот перечень пушкинских произведений, вошедших в третий том журнала:

Стихотворения:

Родословная моего героя
Полководец
Сапожник

Проза:

Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной
Об «Истории пугачевского бунта»
Вольтер
Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова
Анекдоты
Отрывок из неизданных записок дамы. С франц.
Джон Теннер

Новые книги

Об обязанностях человека. Соч. Сильвио Пеллико
Словарь о святых, прославленных в российской церкви
Новый роман

Письмо к издателю

Кроме антикритики по поводу «Истории Пугачева» (с подписью «А. П.»), все из названных материалов были напечатаны анонимно. Отклики на речь Лобанова в Российской Академии наук, на критический разбор Броневского «Истории Пугачевского бунта», на вышедшие в свет «Фракийские элегии» Теплякова, как и рецензии на новые книги, носили более или менее традиционный характер обычной журнальной полемики и информации. Другие же материалы несли в себе черты оригинального («не пушкинского») стиля, как, например, «Отрывок из неизданных записок дамы», якобы переведенных с французского, и «Письмо к издателю», будто бы присланное в журнал из Твери неким А. Б.

Особого внимания заслуживает очерк «Вольтер»¹, в котором, на наш взгляд, ярко проявилось жанровое своеобразие пушкинской прозы позднего периода. Только внешне эта статья выглядела как обычный журнальный отклик на только что вышедшую в Париже книгу «Correspondance inédite de Volter avec Frédéric II, le Président de Brosses et autres personnages, publiée d'après les lettres autographes, avec des notes, par Th. Foisset. Paris. 1836». В журнале название книги было представлено неточно («Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris, 1836»)², как выясняется, отнюдь не по недосмотру издателя. Парижская новинка читателям представлялась им так.

Недавно издана в Париже переписка Вольтера с президентом де Броссом. Она касается покупки земли, совершенной Вольтером в 1758 году.

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым

¹ Об истории восприятия Пушкиным творчества Вольтера см.: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. Л., 1978. С. 174—180; Сайтанов В. А. Прощание с царем // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20. Л., 1986. С. 40—43.

² В «Хронике русского» А. И. Тургенев заметил, в частности: «Начал читать на днях вышедшую “Correspondance inédite de Volter avec Frédéric II, le Président de Brosses etc”. Не хочется оторваться; но для милого дружка чего не оторвешь от себя, кроме сердца, и того, что в нем нет неотрывного» (Современник. 1836. Т. 4. С. 243). Этот отзыв был известен Пушкину, когда он приступил к работе над своей статьей. Книга же с перепиской Вольтера сохранилась в библиотеке Пушкина (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. СПб., 1910. С. 360) с надписью А. И. Тургенева на обложке «К(нязю) Вяземскому» (он-то — «милый дружок» — и имелся в виду в дневниковой записи).

пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов. Но, кажется, одному Вольтеру предложено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую вас смеяться, и передать сделкам и купчим всю заманчивость остроумного памфлета (XII, 75).

Уже в этом наблюдении просматривается нечто личное, пушкинское. Вспомним, что в 1836 г. Пушкин мечтал переселиться из столицы в деревню, был занят хлопотами по поводу дележа по введению во владение оставшегося после смерти матери сельца Михайловского и подумывал о приобретении деревни Савкино, близ Тригорского. Лето 1836 года, когда готовился третий том «Современника», было едва ли не самым сложным периодом материальных затруднений поэта, когда он то и дело влезал в новые долги, чтобы отчасти расплатиться с прежними. Так что «записка портному об отсрочке платежа» — это, конечно же, его, а не вольтеровская забота. Работая в библиотеке Вольтера, хранившейся в Императорской публичной библиотеке³, Пушкин, конечно же, не мог не обратить внимание на математические расчеты, содержащиеся и в вольтеровских манускриптах, но они отражали занятия французского писателя точными науками⁴. Иные, «смирненные цифры» (подсчеты долгов и расходов) постоянно прорывались на страницы пушкинских черновиков: в августе 1836 года, делая запись (ПД 841, л. 96) о самых срочных долгах (общей суммой в 45 тысяч), он помечал, в частности, и долг портному Ручу в 500 руб.⁵

³ См.: *Якубович Д.* Пушкин в библиотеке Вольтера // *Литературное наследство*. Т. 16–18. М., 1934. С. 905–922.

⁴ См. об этом: *Люблинский В. С.* Неизвестный автограф Вольтера в бумагах Пушкина // *Пушкин. Временник Пушкинской комиссии*. Т. 2. М., 1936. С. 263.

⁵ Перечень счетов, предъявленных Пушкину от портных и из модных лавок, опубликован: *Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения*. М.; Л., 1933.

Из обширной переписки, изданной Т. Фуасе, в пушкинской статье о Вольтере сначала прослеживается сюжет, касающийся попытки фернейского мудреца приобрести у президента де Бросса местечко Турне близ границы Швейцарии. Это случилось во время очередного гонения, обрушившегося на Вольтера, когда он вынужден был бежать из Берлина, где до того находился под покровительством Фридриха II.

Слава не спасла его от беспокойства. Личная свобода его была не безопасна. (...) Он хотел на всякий случай помириться с своим отечеством и желал (пишет он сам) иметь одну ногу в монархии, другую в республике — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствам (XII, 75—76).

Предоставляя слово (путем цитации переписки) то одному, то другому остроумцу, Пушкин создает по сути самостоятельное произведение с парадоксальным финалом, рисующим поражение признанного властителя дум от его противника, который оказался гораздо более ловким в имущественных делах.

Жанр этого произведения сближен с литературными анекдотами, которые издавна интересовали Пушкина⁶ и составили его особое собрание под названием «Table-Talk». В третьем томе «Современника» было напечатано одиннадцать из них.

В «Энциклопедическом словаре» А. А. Плюшара значилось:

Т. I. С. 49—59. Только за головные уборы Натальи Николаевны в 1836 г. долг составлял свыше четырехсот рублей.

⁶ «Пушкин, — справедливо замечает Л. Гроссман, — широко принял в свою поэтику этот краткий повествовательный вид в его наиболее распространенном и сохранившемся донныне понимании, т. е. как шуточный, веселый и остроумный рассказ, бегло и сжато передающий игривый или курьезный эпизод» (*Гроссман Л. Искусство анекдота у Пушкина // Гроссман Л. Этюды о Пушкине. М.; Пг., 1923. С. 47*).

Анекдот (от греч. слов «А» *не* и «*cdotos*» *изданный*)

1) краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, новости или неожиданности, и проч.; 2) любопытная черта в характере или жизни известного лица и 3) случай, подавший повод к остроумному замечанию или изречению⁷.

«В русский язык, — отмечается в современном учебнике по русскому фольклору, — анекдот как термин пришел в начале XIX в. (...) Под анекдотом тогда понимали: а) исторические сочинения; б) литературные портреты; в) “невъдуманные повести”.

Размытость жанра имеет свою предысторию. Известный историк древности Прокопий Кесарийский предложил свою версию жизнеописания византийских императоров (ок. 550 г.), включавшую фрагменты с забавными подробностями их интимной жизни, “выпавшие” из поля зрения предыдущих биографов. В 1623 году этот труд был назван “*Anecdotos*” (*др.-греч.* “неизданное”). В русской историографии он известен под другим названием “*Тайная история*”⁸.

В забавном рассказе о том, как де Бросс объегорил премудрого властителя дум, совмещены, по сути дела, все разновидности этого жанра. Пушкин, однако, почерпнул свое произведение не из молвы, а выстроил его сам, пользуясь документальным источником. Заочное общение двух остроловов строится именно по законам анекдота. «Возникающая ситуация не диалога, — справедливо отмечает Е. Курганов, — и есть эстетический нерв анекдота, то, ради чего, собственно, он и рассказывается. Главное здесь заключается не в комизме, не в смехе, а в энергии удара, в столкновении разных конструктивных элементов, в столкновении принципиально не совпадающих миропониманий. Достоверное, убедительное соединение несоединимого и объясня-

⁷ *Нижитенко А. В.* Анекдот // Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 2. С. 303.

⁸ *Чернелев В. Д.* Структура русского фольклора. Кишинев, 2001. С. 74.

ет характер анекдота. Вообще этот жанр в целом представляет собой психологический эксперимент, моделирование неожиданной, трудно представимой ситуации, но при этом обязательным является условие, что ее нужно показать именно как реальную и даже совершенно обычную, чтобы не было ничего похожего на искусственное, эклектическое соединение разных психологических структур»⁹.

«Соединение несоединимого» в литературном анекдоте обычно достигается амальгамой бытового, обыденного колорита в рассказе о случае из жизни исторического деятеля, которого привыкли воспринимать с позиций строго регламентированного официоза или незыблемого, казалось бы, этикета.

Анекдотический «механизм», по сути дела, мы обнаруживаем и в распре Вольтера и де Бросса.

Срубленные деревья¹⁰ осердили нетерпеливого Вольтера; он поссорился с президентом, не менее его раздражительным. Надобно видеть, что такое гнев Вольтера! Он уже смотрит на де Бросса, как на врага, как на Фрерона, как на великого инквизитора. Он собирается его погубить: «qu'il tremble! – восклицает он в бешенстве – il ne s'agit

⁹Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. Хельсинки, 1995. С. 19. См. также: Литературные предания XVIII столетия. Сборник анекдотов о русских писателях XVIII века / Сост. Н. П. Морозова. Череповец, 1994.

¹⁰Причиной ссоры было несколько кубометров дров, которые де Бросс еще до продажи Турне продал торговцу Шарло Боди. Вольтер использовал часть этих дров, не вывезенных с территории поместья, а когда де Бросс потребовал за них денег, стал доказывать, что они принадлежат ему, Вольтеру. Тяжба продолжалась около года, и в результате Вольтер с согласия президента вручил требуемую сумму приходскому священнику на нужды бедняков (Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М., 1987. Коммент. М. И. Гиллельсона и В. А. Мильчиной. С. 157).

pas de le rendre ridicule: il s'agit de le déshonorer!»¹¹. Он жалуется, он плачет, он скрежещет... а всё дело в двухстах франках. Де Бросс с своей стороны не хочет уступить вспыльчивому философу (...) и оканчивает письмо желанием Ювенала: *Mens sana in corpore sano* (XII, 77–78)¹².

Исчерпав анекдотическую ситуацию, обещанную читателю в начале статьи, Пушкин, казалось бы, должен был здесь остановиться.

Но забавный случай для него, пожалуй, не более чем затравка, чтобы сообщить анекдот куда более невеселый. Недаром как бы между прочим, но с самого начала в журнальной статье было упомянуто о превратностях взаимоотношений фернейского философа с прежним своим учеником, Северным Соломоном¹³. В кратком эпилоге своей статьи редактор «Современника» а ргорос рассказывал, как, вступив сначала по досадной неосторожности, а потом по природной запальчивости в печатную полемику (впрочем, на невинную литературную тему) с прусским королем, философ был ошельмован, лишен звания камергера и выгнан из Пруссии после нескольких дней ареста.

Соблюдая необходимую цензурную «деликатность», Пушкин отмечает в данном случае только «вину» Вольтера:

Что влекло его в Берлин? Зачем ему было променять свою независимость на своенравные милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?.. (XII, 80).

Но по самому смыслу объективно изложенной истории прежний «ученик» философа сыграл в ней едва ли не более неприглядную роль.

¹¹ Пусть он трепещет! Дело идет не о том, чтобы его высмеять, а о том, чтобы его обесчестить! (*фф*).

¹² Здравого ума в здоровом теле (*лат*).

¹³ «Так называл Вольтер Фридерика II в хвалебных своих посланиях». *Примеч. Пушкина* (XII, 79).

Как бы увлеченно ни читал Пушкин всю вновь опубликованную переписку Вольтера, едва ли можно сомневаться, что столкновение фернейского мудреца с коронованной особой в наибольшей степени его заинтересовало. Двусмысленные взаимоотношения с царем, на службе у которого числился Пушкин, в ту пору камнем висели у него на шее. Уже, как и Вольтера, его обрядили в шутовской придворный (камер-юнкерский) мундир. А что будет дальше?

Ради второго анекдота, вероятно, и было прежде всего написано произведение, итоговый абзац которого звучал личным откровением.

Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственностью, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет, и что наконец независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы (XII, 81).

Стоило ли для читателей журнала воскрешать неблагоприятные страницы великого человека? На этот вопрос — для себя, по крайней мере — Пушкин ответил десять лет назад, откликаясь на известие о пропаже мемуаров Байрона:

Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он мал и мерзок — не так, как вы — иначе (XIII, 243—244).

Осваивая новый литературный жанр (жанр документальной новеллы-анекдота), Пушкин поднимает проблему особой сложности частной жизни гения. Постоянное вторжение быта в жизнь великого человека в общем-то неизбежно. Но при этом высокий общественный статус гения зачастую оказывается не защищенным ни от власти, ни от молвы. Есть особая маразматическая услада для посредственности в его унижении...